

Н. Г. Малышева, Т. Г. Стефаненко, О. А. Тихомандрицкая

ОБРАЗ РОССИИ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

В статье излагаются результаты эмпирического исследования, посвященного изучению образа России. Проанализированы представления студентов трех стран, воспринимаемых как центры влияния в современном мире, — России, США и КНР. Данные свидетельствуют об общей для всех групп студентов тенденции к этноцентризму в выборе влиятельных стран. Образ России во всех изучаемых странах имеет геополитические коннотации. Культура не занимает в представлениях ключевого положения, однако играет важную роль в эмоциональном компоненте образа. Наибольшие межкультурные различия обнаружены при анализе представлений о России как участнице международных конфликтов.

Ключевые слова: кросс-культурное исследование, представления о России, многополярный мир, страны — центры влияния в современном мире, международный конфликт, гендер.

The results of the study concerning the image of Russia are presented in this article. Representations of students from three countries which have been perceived as centers of influence in the modern world — Russia, USA and China — were analyzed. The data of all samples indicates the ethnocentrism tendency in the choice of influential countries. The image of Russia in all three countries contains geopolitical connotations. The culture does not play a key role in the representations, but it is an important element of the emotional part of the image of Russia. The largest cross-cultural differences are found in the analysis of representations of Russia as an international conflicts participant.

Key words: cross-cultural study, representations of Russia, multipolar world, countries — centers of influence in the modern world, international conflict, gender.

Социальная психология обладает значительным потенциалом для анализа происходящих социальных изменений и для выявления особенностей процессов социального восприятия на уровне больших

Малышева Наталья Георгиевна — канд. психол. наук, доцент кафедры социальной психологии ф-та психологии МГУ. *E-mail:* tasha.malysheva@gmail.com

Стефаненко Татьяна Гавриловна — докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой социальной психологии ф-та психологии МГУ. *E-mail:* tstef@yandex.ru

Тихомандрицкая Ольга Алексеевна — канд. психол. наук, доцент кафедры социальной психологии ф-та психологии МГУ. *E-mail:* Tihomandr@rambler.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 09-06-01082 а/р).

социальных групп, в том числе государств и этнических общностей (Алавидзе и др., 2002; Андреева, 2005; Емельянова, 2006; Образы государств..., 2008; Bonnec, 2002; Markova, 2003). В социальной психологии существует также достаточно мощная традиция изучения субъективной культуры, определяющей то, как индивиды категоризируют социальные объекты, какие связи между категориями они выделяют, какие категории признают «своими» (Триандис, 2007). Субъективная культура охватывает все представления, убеждения и идеи, которые являются объединяющими для того или иного народа и оказывают непосредственное воздействие на поведение и деятельность его представителей (Стефаненко, 2005). Анализ субъективной культуры дает возможность понять, как воспринимаются большие социальные группы (например, страны) в условиях складывающейся многополярности мира. При этом сравнение представлений о России в странах, воспринимаемых как центры влияния, представляет большой научный и практический интерес, поскольку может служить основой для формирования позитивного образа России как одного из важнейших факторов обеспечения ее процветания (Зинченко, 2008).

Мы изучали целостный образ России как многогранное, многоаспектное и многоуровневое представление о стране, государстве и народе у ее граждан и граждан других стран. Более конкретно *цель* той части исследования, которая описывается в данной статье, заключалась в кросс-культурном анализе представлений о России у российских студентов и у студентов из влиятельных, с точки зрения россиян, стран — США и Китая.

В своей работе мы исходили из следующих предположений: 1) студенты воспринимают современный мир как многополярный и Россию как один из его полюсов; 2) одним из важных элементов их представления о России является культура.

Основной **метод** исследования — опрос. Нами была разработана анкета, направленная на выявление представлений о многополярном мире, о странах — центрах влияния, в том числе о России. Основной анкеты стала методика свободных ассоциаций, для обработки которой применялся прототипический анализ по П. Вержесу (Vergès, 1992). Дополнительно в анкету были включены вопросы на выявление эмоционального содержания представлений о России; о России как участнице международных конфликтов; о различных аспектах образа россиянина. Для обработки данных этих тематических блоков использовался контент-анализ.

Исследование проходило в 2 этапа. Первый этап был проведен на **российской выборке**, которую составили 145 студентов (16.55% мужчин, 83.45% женщин) в возрасте 17—28 лет ($M=19.40$, $SD=1.34$). Согласно полученным данным, российские студенты к основным центрам

влияния относят США и Россию, а в качестве потенциального центра называют Китай².

Для осуществления второго, кросс-культурного этапа исследования анкета была переведена на английский и китайский языки. Англоязычный вариант анкеты, размещенный на интернет-ресурсе, который позволяет проводить опросы (<http://How-American-Students-Perceive-the-Modern-World.questionpro.com>), получил 244 просмотра, однако целиком его заполнили 55 человек — 32 мужчины и 23 женщины. Анкету на китайском языке заполнили 100 человек, из них 50 — студенты, обучающиеся в Москве, и 50 — обучающиеся в Китае (выборка выравнена по полу).

Результаты

1. Образ России у российских студентов

Результаты *прототипического анализа ассоциаций на слово-стимул «Россия»* позволяют выявить структуру представления российских студентов о своей стране как центре влияния в современном мире. Всего респондентами было высказано 1080 ассоциаций, словарь понятий объединял 404 слова и словосочетания. Элементы ядра и периферии представления составили 33.8% от всех высказанных ассоциаций.

Таблица 1

Элементы, образующие ядро и периферию представления российских студентов о своей стране

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	< 2.89	≥ 2.89
≥16	Большая территория (58; 2.31)	Культура (23; 3.26)
	Родина (50; 2.42)	Медведев (16; 3.25)
	Путин (28; 2.36)	
	Нефть (26; 2.54)	
	Богатство ресурсов (21; 2.24)	
	Газ (18; 2.25)	
	Природа (17; 2.13)	
	Сила (16; 2.13)	
<16	Держава (13; 2.46)	Водка (15; 3.25)
	Многонациональная (13; 2.85)	Москва (14; 3.67)
		Богатая история (14; 4.29)
		Душа (12; 3.55)
		Наука (11; 4.27)

² Данные результаты детально рассмотрены в статье И.Б. Бовиной и Е.О. Голынчик в этом номере журнала.

Зона ядра представления о России (табл. 1) образована элементами, имеющими геополитическую и экономическую коннотации: большая территория, Родина, В.В. Путин, нефть, богатство ресурсов, газ, природа, сила. Эти элементы конкретизируются в первой периферической системе (потенциальной зоне изменений) за счет таких элементов, как Д.А. Медведев, держава, многонациональная, культура. Вторая, или собственно периферическая, система образована такими элементами, как водка, Москва, богатая история, душа, наука. Элемент «культура» присутствует в представлении, и он высокочастотен. Но ранг его появления не позволяет говорить о том, что культура является ключевым элементом, вокруг которого формируется представление респондентов о Родине. Обращение ко всему массиву данных свидетельствует о наличии лишь единичных ассоциаций, принадлежащих к категории «культурное наследие» (литература, А.С. Пушкин, театр, архитектура, искусство).

Иными словами, ключевыми в представлении респондентов о своей стране оказались обширность территории и природные богатства, а не культура, литература, традиции, которые отличают Россию от других стран. Л.В. Матвеева с соавторами (2008), исследовавшие образ России у российских студентов с помощью других методов и с другими целями, вообще обнаружили зияющую пустоту вместо элементов культуры.

В ходе анализа *образа России как участницы международных конфликтов* учитывались ответы лишь 136 респондентов, так как 6% опрошенных указали на то, что ничего не слышали о подобных событиях с участием России. Всего студенты представили 201 описание конфликтов. Чаще всего (83% описаний) встречались упоминания о включенности России в конфликты с республиками бывшего СССР и между ними. Значительно реже — конфликты с участием США, в том числе и скрытые (6%); европейских стран (5%); арабских стран (3%); азиатских стран (1%). В 88% описаний присутствовала либо характеристика события как конфликта, либо перечисление его основных участников. В 10% описаний события характеризовались как война, а в 2% — как помощь, миротворческая миссия.

Наиболее часто упоминался российско-грузинский конфликт в Южной Осетии (61% описаний), причем, как правило, он указывался первым (средний ранг 1.1). Далее следовали российско-украинский «газовый» конфликт (15%; ранг 2), конфликты с участием США (6%; ранг 2.2), конфликт в Чечне (3%; ранг 1.5), конфликт в Косово (3%; ранг 2), конфликты с республиками Балтии по поводу оценки участников и итогов Великой Отечественной войны (2%; ранг 2.7). Другие конфликты упоминались менее чем 2% респондентов. Некоторые студенты указывали на то, что за конфликтами между Россией и республиками бывшего СССР часто стоит скрытый конфликт между Россией и США.

Полученные от респондентов 260 характеристик России как участницы международных конфликтов обрабатывались методом контент-

анализа. В большей части характеристик содержалось указание на роль России в конфликте: миротворец, защитник, агрессор и др. (30%). Далее следовало описание действий нашей страны в конфликте (28% упоминаний). При этом можно выделить *активные* действия (81% от всего объема данной категории) с акцентом на борьбу, соперничество, конфронтацию, иногда на сотрудничество, разрешение проблемы, и *пассивные* действия (уступки, уход и т.п.). Следующая категория — описание качеств России (19% упоминаний) с преобладанием положительных характеристик: сила (23%) и решительность (18%). Далее идет *оценка действий* России (17%), в основном позитивная (68%; в половине случаев это указание на справедливость, в 30% — на правильность); среди негативных оценок — неправомерность, необдуманность, стратегическая и тактическая некомпетентность. Последняя категория — характеристика информационной войны, например проигранная информационная война, дезинформация граждан (6%).

Таким образом, можно сказать, что российские студенты ассоциируют межгосударственные конфликты с участием нашей страны в основном с военными действиями, в частности с последним вооруженным конфликтом в Южной Осетии. В таких конфликтах Россия, по мнению респондентов, чаще выступает как «третья сторона», имеющая благородные цели миротворчества, помощи, защиты более слабого. Такая позиция в целом соответствует той, которая транслируется российскими СМИ, т.е. является результатом пропаганды. В пользу предположения о стереотипном, упрощенном восприятии российско-грузинского конфликта говорит и то, что респонденты по-разному представляли себе, где произошло вооруженное столкновение (Южная Осетия, просто Осетия, Северная Осетия упоминались одинаково часто). Оценка действий России в международных конфликтах как правильных, решительных, справедливых, указание на ее силу, жесткость в отстаивании своих интересов в столкновениях с республиками бывшего СССР могут быть связаны с тем, что респонденты воспринимают свою страну как один из двух главных центров слияния (наряду с США) и в подобных столкновениях видят скрытый российско-американский конфликт.

Образ страны не может быть полным без учета его *эмоционального содержания*. Таким содержанием в нашем исследовании стали эмоции отношения к Родине. Обобщая полученные данные, можно с уверенностью утверждать, что большинству опрошенных российских студентов знакомо *чувство гордости* за свою страну, и они могут обосновать свои переживания. В качестве предметов гордости чаще всего выступают явления культуры (35.9% упоминаний), человеческие ресурсы (19.2%) и история страны (18.2%). При этом упоминаемые категории либо не размещаются на временной линии, либо ориентированы в прошлое, что может быть связано как с дефицитом достижений страны в настоящем,

так и со спецификой русской ментальности — благоприятной оценкой прошлого, но не настоящего (Стефаненко, 2005). Ответов, связанных с *чувством стыда*, несколько меньше, но они разнообразнее, поэтому их оказалось гораздо сложнее подвергнуть кодировке. В самом общем виде удалось выделить две большие категории — «люди/народ» (18% от всех ответов) и «государство/чиновники» (28%). При этом подчеркнем, что чувство стыда вызывают не первые лица государства (по отношению к ним, напротив, проявляется «царцентризм», патерналистские установки), а аппарат управления (чиновники, бюрократы). Хотелось бы отметить, что чувство стыда чаще проявлялось в рамках рефлексивной позиции, при попытке выдвинуть предположение об образе России в глазах иностранцев.

Лучше понять эмоциональные составляющие образа России позволило его сравнение с *образом россиянина*. Для этого респондентам был предложен частный семантический дифференциал (объекты «Россия» и «россиянин», 22 биполярные шкалы). Факторный анализ полученных данных показал, что у российских студентов сформирован позитивный образ соотечественника как человека, способного оказывать влияние на других, поддерживать позитивные отношения с людьми, быть современным представителем цивилизованного мира. При сравнении образов страны и ее жителя заметно, что их общим элементом является миролюбивая сила. В качестве специфического содержания образов можно назвать параметр маскулинности и феминности. Факторный анализ позволяет увидеть, что Россия воспринимается скорее как феминная и ищущая или нашедшая свой путь, а россиянин — как маскулинный и включенный в мировое сообщество.

Для большей конкретизации содержания представлений студентов о жителях своей страны были изучены стереотипы «русского мужчины» и «русской женщины». Было получено 740 ответов, касающихся качеств мужчин и столько же — женщин. Данные обрабатывались с помощью контент-анализа, основными категориями которого являлись маскулинные, феминные и нейтральные характеристики.

Образ «типичной русской» представлен как андрогинный: количество маскулинных (311) и феминных (365) характеристик приблизительно одинаково, а нейтральных (64) незначительно; образ «типичного русского» — как маскулинный (559 характеристик по сравнению с 115 феминными и 66 нейтральными). Преобладание маскулинности заметно и в представленности таких характеристик, как «сила» и «активность». При этом оба образа явно положительные: у мужчин 513 позитивных характеристик и 227 негативных, у женщин 634 против 106.

Русский мужчина воспринимается как сильный (7.5% упоминаний), довольно образованный (1.2%) и целеустремленный (1.6%), умный (3.7%), но ленивый (5.1%) и пьющий (4.5%). Амбивалентность

образа «типичного русского» может свидетельствовать о разнообразии, множественности и неоднородности типажей. Женский образ более однороден и представлен большим количеством маскулинных характеристик, что подтверждается достаточно часто употребляемой характеристикой «сильная» (5.6%) и отсутствием характеристик, связанных с проявлением «слабости».

Интересно, что образ «типичного русского» практически не связан ни с профессиональной, ни с семейной сферой. Все проявления таких его характеристик, как работоспособность и целеустремленность, носят как бы потенциальный характер, не проявляясь в конкретных действиях или сферах жизнедеятельности. Можно предположить, что все эти характеристики русского мужчины не находят своего применения и остаются нереализованными. В образе «типичной русской» с большей частотой встречаются характеристики, связанные с семьей и ролевой позицией матери и хозяйки. Таким образом, в представлениях российских студентов семейная сфера жизни в большей степени связана с «женским», «феминным» началом, а профессиональная сфера ни для мужчин, ни для женщин не играет значимой роли.

2. Представления о России американских и китайских студентов

Американские студенты в качестве стран — центров влияния в современном мире назвали США (100% респондентов, ранг 1.24) и Китай (83.8%, ранг 2.09). Значительно реже они упоминали Россию и Великобританию (по 33.3%). Эти данные позволяют предположить, что житейские представления об однополярном мире все еще близки американским студентам, но уже подвергаются пересмотру.

На слово-стимул «Россия» было получено 339 ассоциаций. Анализировались лишь 130 — те, которые называли не менее 5% респондентов. Таким образом, элементы ядра и периферии составили 38.35%. В ядро представления (табл. 2) вошли такие элементы, как «холод», «холодная война», «крупная», «коррупцированная/коррупция», «коммунизм», которые указывают на размеры территории, климат, а также на геополитическую ситуацию в настоящем и прошлом. Стереотипные, с точки зрения россиян, понятия «Советский Союз», «водка» и «Путин», а также «большая» и «огромная»³ (обычно относимые к территории страны) у американских респондентов вошли в потенциальную зону изменений. Собственно периферия представления включает в себя элементы «Москва», «Сталин», «история» и «снег», которые (за исключением последнего) имеют культурно-исторические коннотации. В целом результаты показывают, что в образе страны преобладают ассоциации, связанные с геополитикой, а элемент культуры представлен слабо.

³ Респонденты использовали два разных слова — *big* (большая) и *huge* (огромная). Понятие “(very) large”, вошедшее в зону ядра, мы перевели как «очень крупная».

Представления о России американских студентов

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	<2.71	≥2.71
≥7.5	Холод/холодная (28; 2.60)	Водка (12; 2.71)
	(Очень) крупная (15; 2.33)	Путин (8; 3.62)
	Коммунизм/коммунист (11; 1.64)	
	Коррупцированная/коррупция (9; 2.33)	
	«Холодная война» (8; 2.25)	
<7.5	Большая (7; 1.86)	Москва (7; 2.86)
	Советский Союз (7; 2.57)	Сталин (5; 3.60)
	Огромная (5; 1.80)	История (4; 3.50)
		Снег (4; 4.25)

Обращает на себя внимание тот факт, что для американских студентов время почти остановилось: современную Россию они ассоциируют с СССР, во времена которого они еще не родились. Похожие результаты были получены Т.П. Емельяновой и А.С. Паттисон (2010), которые в ядре социальных представлений молодых американцев обнаружили такие элементы, как коммунизм и алкоголизм.

Элемент культуры оказывается значимым лишь при оценке *эмоциональных компонентов образа России*. Однако амбивалентность отношения к России обнаруживается и в этом случае: в представлениях американских студентов культура и история — это одновременно и предмет гордости россиян, и предмет их стыда.

Анализ *образа России как участницы международных конфликтов* свидетельствует о хорошей осведомленности американских студентов: лишь 10% из них не смогли назвать ни одного конфликта или использовали размытые формулировки («что-то на границе»). Основное содержание описанных ситуаций касается отношений нашей страны с государствами постсоветского пространства: в 78% случаев речь шла о конфликтах с Грузией, Украиной и Белоруссией. Остальные упоминания касались таких тем, как борьба с терроризмом, переговоры по поводу противоракетных установок в Европе, обмен шпионами, смерть А. Литвиненко. При этом слово «конфликт» американцы использовали лишь в 10% случаев, но одинаково часто либо не использовали никаких характеристик ситуации (лишь ее название, например обмен шпионами), либо обозначали события как войну/вторжение, например, в Грузию (то и другое в 36% упоминаний). В остальных случаях респонденты использовали такие слова, как «спор», «проблемы», «кризис». Наши данные подтверждают, что распространенная трактовка действий России во всех конфликтных взаимодействиях заключается в

приписывании ей агрессивности и враждебности (61% американских студентов охарактеризовали нашу страну именно таким образом). Гораздо меньше респондентов (22%) полагали, что Россия выполняла миротворческую миссию и защищала Южную Осетию (отметим, что ее упоминание служит своего рода маркером подобного понимания; никто из говоривших о «вторжении» не давал названия страны). Такие характеристики, как недостаточная активность, закрытость, давление, чрезмерная уверенность в себе и отсутствие склонности к переговорам, использовали для описания России 17% участников опроса.

Данные семантического дифференциала демонстрируют сходство образов России и *россиянина*. Они воспринимаются как агрессивные, невлиятельные, ненадежные, традиционные, авторитарные, недружественные, закрытые. Различие наблюдается лишь по параметру «несправедливость». Эта характеристика рассматривается как более присущая стране и в меньшей степени — ее жителям.

Представления о гендерных характеристиках русских (россиян)⁴ согласуются с представлением о России как о традиционной стране. Мужчины воспринимаются как чрезмерно маскулинные, а женщины — как подчеркнуто феминные. При этом содержание образов имеет тенденцию к негативной направленности: при описании мужчин часто указывается на агрессивность, неухоженность, повышенную требовательность, а женщины характеризуются как безропотные, холодные, подчиненные, манипулятивные. Из позитивных характеристик можно отметить ум и образованность, которые не воспринимаются как гендерно маркированные. Кроме того, была замечена интересная тенденция: несколько респондентов отказались отвечать на вопросы о типичных характеристиках российских мужчин и женщин, пояснив, что не разделяют мнение о существовании черт национального характера, но даже если такие черты существуют, они не могут различаться у людей разного пола. Были и те, кто указал одни и те же характеристики мужчин и женщин. На наш взгляд, это свидетельствует о более высоком уровне установок на эгалитарность в США, чем в нашей стране (никто из российских респондентов подобных взглядов не выразил).

Китайские студенты в качестве наиболее влиятельных стран выделяют США (97% респондентов, ранг 1.52) и Китай (86%, ранг 1.98). Третье и четвертое места делят Япония (48%) и Россия (47%). Таким образом, в представлениях китайских студентов два основных центра влияния — это США и Китай, а Россия (наряду с Японией) являются потенциальными центрами влияния в современном мире. Дополнительный анализ показал, что фактор знакомства с Россией является важным

⁴ При использовании английского слова *Russian* понятия «русский» и «россиянин» разделить невозможно.

для выделения ее в качестве влиятельной. Так, китайские студенты российских вузов значительно чаще (76%), чем студенты китайских вузов (18%), воспринимают Россию как влиятельную страну.

Таблица 3

Представления о России китайских студентов

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	<2.28	≥2.28
≥6	Большая территория (25; 2.01)	Армия (18; 2.83)
	Холодная (18; 2.22)	Красавицы (10; 2.7)
	Богатые природные ресурсы (16; 1.50)	Малонаселенная (7; 2.43)
	Красивая (11; 1.80)	Путин (6; 3.00)
	Космическая отрасль (6; 1.50)	
	Раскол СССР (6; 1.25)	
<6	Голубые глаза (4; 1.50)	Богатая (4; 3.75)
	Военное дело (4; 2.00)	Атомная бомба (4; 3.00)
	Оружие и боеприпасы (4; 2.00)	Гармоничная (4; 3.00)

Обобщенные данные по выборке китайских студентов позволили выделить 408 ассоциаций на слово-стимул «Россия». Для дальнейшего анализа были отобраны те элементы, которые употреблялись не менее чем 5% респондентов, — массив из 147 ассоциаций. Таким образом, элементы ядра и периферии составили 36%. Полученные результаты (табл. 3) свидетельствуют о том, что Россия воспринимается через такие элементы, как «холодная», «большая территория», «богатые природные ресурсы», «красивая», «космическая отрасль» и «раскол СССР», в которых отражаются особенности географии (климата, природы, размера страны) и геополитики. Периферическая система характеризуется определенной рассогласованностью: с одной стороны, респонденты указывают на представляющую угрозу атомную бомбу, а с другой — подчеркивают богатство и гармоничность России. Потенциальная зона изменений представления включает ассоциации, указывающие на сильное развитие военной сферы: «военное дело», «армия», «оружие и боеприпасы» (в них явно проявляется влияние пропаганды), а также на внешность жителей («голубые глаза» и «красавицы») и геополитические аспекты («Путин» и «малонаселенная»).

Все это позволяет предположить, что в представлении китайских респондентов Россия в первую очередь выступает как страна, «богатая» природными ресурсами и военно-промышленным комплексом, но не народом (поскольку воспринимается как «малонаселенная»). Отметим, что у студентов, обучающихся в Китае, основное содержание представлений сосредоточено на природных богатствах и климатических

условиях, а более широкие, «культурные» ассоциации возникают у студентов, обучающихся в России.

В ответах на многие вопросы наблюдались существенные расхождения между двумя подгруппами выборки китайских студентов. Студенты, обучающиеся в Китае, имеют самые поверхностные знания о России. Так, при ответе на вопросы о том, чем *могут гордиться* или чего *могут стыдиться* россияне, почти все респонденты этой подгруппы так или иначе упоминали о своем недостаточном знании России, о том, что у них нет впечатлений об этой стране. В ответ на вопрос: «Что иностранец в первую очередь должен знать о России?» — 60% перечисляли такие неконкретные характеристики, как история, география, культура, традиции, уровень экономического развития и т.п.

При ответе на вопросы *о конфликтах с участием России* лишь двое испытуемых (4%), обучающихся в Китае, вспомнили о какой-либо конфронтации. Да и эти конфликты они описывали очень абстрактно: «конфликт на российской границе», «дипломатия». Остальные не слышали ни об одном международном конфликте с участием России за последние 5 лет. Эти показатели сильно отличаются от показателей студентов, обучающихся в РФ: среди последних 26 человек (52%) называли реальные конфликты.

В целом можно сказать, что китайцы в России воспринимают ее культуру и историю как более богатую и разнообразную, чем их соотечественники на родине. Это вполне объяснимо, поскольку современная китайская молодежь знакомится с культурой России не через призму русской классики XIX в. и советской литературы и искусства, как это делали старшие поколения китайцев, а через созданные в Китае ремейки наших фильмов «Как закалялась сталь», «А зори здесь тихие» и др. (Тихвинский, 2008). В то же время студенты, обучающиеся в Китае, представляют Россию более миролюбивой, надежной, дружественной и справедливой, чем те, кто учится в РФ. Впрочем, несмотря на значимое снижение показателей по характеристикам «надежность» и «справедливость» у китайских студентов, обучающихся в России, в целом они также представляют ее как сильную, дружественную, надежную и демократичную державу. Наши результаты соответствуют данным социологических исследований последних лет, согласно которым представления о России в КНР являются преимущественно позитивными (Халтурина и др., 2009).

Заключение

Кросс-культурный анализ представлений о месте и роли России в многополярном мире приводит к следующим основным выводам.

— В представлениях американских и китайских студентов наиболее влиятельными в современном мире являются США и Китай; Россия

упоминается лишь частью респондентов и не в первую очередь. Российским студентам своя страна представляется хотя и менее значимой, чем США, но более значимой, чем Китай. Эти данные свидетельствуют об общей для наших респондентов тенденции к этноцентризму в выборе страны — центра влияния.

— Темы, вокруг которых сформировано представление о России у студентов из КНР и США, имеют геополитические коннотации и содержательно мало отличаются от представлений самих россиян.

— Наибольшие межкультурные различия обнаруживаются при анализе представлений о России как участнице международных конфликтов. Незначительное количество китайских студентов смогли назвать подобные ситуации и охарактеризовать действия российской стороны в них. Американские респонденты чаще всего называли те же конфликты, что и россияне. Но если граждане России характеризовали свою страну как благородную и помогающую, то в США ее чаще описывали как агрессивную, вторгающуюся на чужую территорию или недостаточно активную в борьбе с конфликтами. Подобные различия указывают на то, что кроме учета экономических и политологических данных необходим и дальнейший социально-психологический анализ конструирования пространства конфликтного взаимодействия стран в условиях складывающейся многополярности мира.

Обнаруженные закономерности подтверждают и актуальность выбранного нами социально-психологического ракурса рассмотрения образа России в восприятии граждан различных государств, и перспективность обращения к теории социальных представлений. Понимание того, что граждане нашей страны и других стран вкладывают в понятие «Россия», даст возможность для прогнозирования изменений отношения к нашей стране в долгосрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алавидзе Т.Л., Антонюк Е.В., Гозман Л.Я. Социальные изменения: восприятие и переживание // Социальная психология в современном мире / Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. М., 2002. С. 302—322.

Андреева Г.М. Психология социального познания. М., 2005.

Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М., 2006.

Емельянова Т.П., Паттисон А.С. Особенности социальных представлений о русских у жителей Чехии и США // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. № 5 (13). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 18.11.2011). 0421000116/0043.

Зинченко Ю.П. Психологические основы формирования образа современной России // Образ России в стране и за рубежом: гуманитарное измерение / Под общ. ред. Ю.П. Зинченко, Л.В. Матвеевой. М., 2008. С. 6.

Матвеева Л.В., Аникеева Т.Я., Мочалова Ю.В., Петракова Е.Е. Структура образа России в менталитете студенческой молодежи // Образ России в стране и за

рубежом: гуманитарное измерение / Под общ. ред. Ю.П. Зинченко, Л.В. Матвеевой. М., 2008. С. 34—55.

Образы государств, наций и лидеров / Под ред. Е.Б. Шестопал. М., 2008.

Стефаненко Т.Г. О русской ментальности: константы и трансформации // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. М., 2005. С. 264—299.

Тихвинский С.Л. Восприятие в Китае образа России. М., 2008.

Триандис Г. Культура и социальное поведение. М., 2007.

Халтурина Д.А., Коротяев А.В., Кобзева С.В., Качков Д.М. Имидж России в мире: количественный и качественный анализ // Полис. 2009. № 5. С. 128—140.

Bonnec Y. Identité régionale, nationale et européenne. Organisation et statut de la mémoire sociale au sein des représentations sociales // La mémoire sociale: Identités et Représentations Sociales / Sous la dir. de S. Laurens, N. Roussiau. Rennes, 2002. P. 175—185.

Markova I. Dialogicality and social representations. Cambridge, MA, 2003.

Vergès P. L'Evocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // Bulletin de Psychologie. 1992. T. XLV. N 405. P. 203—209.